

Ясновельможный товарищ Костенко

И. ДНЕПРОВ

Тот, кому назад была предана гласности история деятельности волокиты в Министрстве легкой промышленности с неслыханным изобретением инженера В. Н. Цветкова и М. С. Еванова. Изобретатели предложили прикрепить резиновую подошву к ботинку не гуттаперчевым клеем, а пленкой из гуттаперчи. Идея изобретения была безусловно верна. Оперировав клеем, рабочие дышали вредные пары растворителей гуттаперчи — бензина и дихлорэтана. Применение пленки ликвидировало вредность производства (и в этом главный смысл предложения инженеров). Значительно сократился расход гуттаперчи. Отпала потребность в бензине и дихлорэтани.

Десять лет продолжалась волокита в министерстве. Последние годы активное сопротивление пленке оказывал зам. министра легкой промышленности тов. Костенко. На критику этот товарищ реагировал своеобразно. Вместо того, чтобы признать свою вину, он решил опровергнуть изобретение. Нашлись люди, подписавшие бумажку о несправедливости пленки. Однако, новый министр легкой промышленности тов. П. Е. Ческовский приказал провести окончательную проверку пленки. Испытания вновь подтвердили все ее преимущества. Десятый месяц лежал в столе у тов. Костенко акты испытаний — документы, объяснявшие его прекратил волокиту (теперь уже десятилетнюю) и немедленно приступил к массовому внедрению на фабрике нового изобретения, которое на предприятиях промышленности кооперации с большим успехом применяется уже второй год. Но никто не в состоянии сменить упорство тов. Костенко. Пленка внедрена в небольших пехах двух фабрик («Парижская Коммуна» и «Заря свободы»), а все остальные предприятия попрежнему пользуются гуттаперчевым клеем.

История с пленкой — не печальное исключение в деятельности тов. Костенко. 26 декабря 1947 года в «Труде» была напечатана статья тов. П. Е. Ческовского, которая содержит важное признание: «Большинство и непереработанные отходы работников привели к тому, что производство заменителей верха обуви из полихлорвинилового смолы организовано не в нашей промышленности, а на предприятиях других министерств». Поименно следом статьи министра, и тогда окажется, что виновником крупного провала Министрства легкой промышленности в использовании полихлорвинила оказался все тот же тов. Костенко.

Раскрыв утром 21 марта 1946 года «Правду», тов. Костенко узнал, что Закон о пятилетнем плане обязывает его «исчерпающе развить производство... полноценных искусственных кож». Буде тов. Костенко настоящие государственные деятели, он в тот же день поехал бы на фабрику одного из московских вышестоящих заводов, отыскал там инженера Сапиевского и сказал бы ему примерно следующее:

— Я крепко виноват перед вами, уважаемый Петр Филиппович. Три года я и руководители Института заменителей перемывались над сообщениями печати о ваших успехах. Мы пытались самостоятельно создать искусственную верхнюю кожу из полихлорвинила, но у нас ничего не вышло. А жалеть больше нельзя. Предлагаю вам крепкую поддержку. Расскажите, чего вы достигли, в чем нуждаетесь.

Сделав это тов. Костенко, он в тот же день получил бы в свое распоряжение серьезное оружие борьбы за пятилетку обувной промышленности. Он узнал бы, что работы П. Ф. Сапиевского и его помощников А. Ф. Казимовой и А. З. Вяз-

перта вытиснули нашу страну на первое место в мире по техническому освоению полихлорвинила.

Перед нами ведущий американский журнал по пластическим массам «Modern Plastics» за октябрь 1947 года. Он признает, что американской технике до сих пор не удалось решить главное — заставить «дышать» полихлорвиниловую кожу. А Сапиевский достиг этого, его материал «дышит»! Тов. Костенко узнал бы, что новый материал не только соответствует коже по своим физико-техническим данным, но значительно превосходит ее по прочности и необыкновенной устойчивости в отношении воды, керосина, бензина, нефти, масел, кислот и щелочей; что на обувных предприятиях разных министерств и промышленности полихлорвиниловую кожу назвали полным признанием; что П. Ф. Сапиевский сконструировал отличную машину для выпуска нового материала непрерывной лентой; что последние, над чем бьется изобретатель, — это окончательное решение проблемы гидрофобности (гидроустойчивости и влагостойкости) нового материала.

Вот какие важные вещи узнал бы тов. Костенко. Но он и не собирался выполнять прямое требование Закона о пятилетке. Он, как и прежде, подталкивал работников из института заменителей, продолжавших хулиганить Сапиевского за то, что он, а не он, создал новый обувной материал. Мему Костенко зам. министра, отвечающего за обувную промышленность, показывал характерные детали: министр легкой промышленности нашел время, чтобы поехать к инженеру Сапиевскому и ознакомиться с его машиной, а тов. Костенко так и по сей день не собрался этого сделать.

В 1947 году выпуск искусственной верха обуви включается в государственный план. Министерство этого плана не выполняет. За первые два года пятилетия изобретатели собственными силами бьются решив сложную проблему гидрофобности. Отныне наша обувная промышленность имеет искусственную верхнюю кожу, которая практически является полноценным заменителем натуральной. Мы можем выпускать материал Сапиевского тысячами метров. И обувная промышленность должна полностью использовать это изобретение!

Надо рассказать еще об одном важном техническом новшестве — монолитной резиновой подошве. Серьезные преимущества «монолитки» состоят в том, что она способствует превращению обувной фабрики в сборочное предприятие. Производственные по достижению оценок больше преимуществ монолитки, но зам. министра был иного мнения на этот счет. Началась война между ним и производственниками. Она продолжается уже несколько лет и носит своеобразные формы — это, так сказать, война на измор. «Монолитку» должны выпускать заводы резиновых подошв. Для этого нужны прессформы. Естественно было, чтобы министерство организовало их изготовление в плановом порядке. Но тов. Костенко заявил руководителям фабрик: «Вам нужна «монолитка» — делайте сами прессформы». И вот фабрика вынуждена и тридцатую изготавливает сейчас прессформы. Этот «каприз» обошелся в сотни тысяч рублей. Наконец, прессформы готовы. Но у зам. министра есть еще один способ заставить дело, — он не разрешает отгружать прессформы на заводы без его личной проверки. А проверяет он месяцами...

Вместо того, чтобы внедрить в обувную промышленность новую технику, тов. Костенко в течение года задерживал на «Парижской Коммуне» и в течение полутора на фабрике «Заря свободы» пуск цехов на «монолитку». В результате план выпуска обуви на монолитной подошве в 1947 году не был выполнен.

Техническая мысль, однако, не стояла на месте. Четыре месяца назад инженеры В. Н. Алексеев, М. В. Лев, В. Н. Цветков, Б. Я. Кипиши и А. С. Кобылкины создали микропористую «монолитку» и разработали технологию ее производства конвейерным способом. Новая «монолитка» требует резину на тридцать процентов меньше, вдвое уменьшается вес прессформ, втрое повышается производительность труда, значительно увеличивается срок жизни форм, облегчается труд прессовщиц.

Таким образом, речь идет о крупном техническом усовершенствовании. Значение его станет особенно очевидным, если учесть, что план выпуска «монолитки» за 1948 год увеличен в три с половиной раза против выпуска прошлого года. Но тов. Костенко и здесь остался верен себе: он решительно отказался внедрить микропористую «монолитку».

Широкие круги обувщиков знают историю непризнания тов. Костенко к «монолитке». Несколько лет тому назад в обувную промышленность был внедрен новый метод изготовления резиновой подошвы — горячая вулканизация. В цехе нагретых резины за разработку и внедрение нового метода был и тов. Костенко. Затем появилась «монолитка». В действие вступила вещь живой сапожника — вчера новое, вчера прогрессивное должно потесниться, чтобы дать место сегодняшнему новому. Что же тов. Костенко? Нет, он не дает ходу новому, он — за старое.

Бесспорное обращение с законом — система тов. Костенко. 28 марта 1945 года он издал известный на обувных фабриках циркуляр № 9, которым упразднил установленные законом нормы отхода и потерь при раскрое кожи, установил новые дополнительные повышенные нормы потерь и разрешил потерю включать «в набор и состав ботинка», «в плановое потребление готовых деталей».

Проще говоря, тов. Костенко легализовал и позволял маскировать лишние кожи, порчу ее, брак обуви и т. д. Циркуляр прямо легализовал «недостаточное оприходованных готовых деталей». Обратите внимание — «готовых» (не обрезки кожи, а готовые, полноценные детали ботинка), «оприходованных» (т. е. деталей, уже поставленных в цех). И вот готовые и даже оприходованные детали циркуляр № 9 разрешал транжирить, во... в пределах тактико- и тактико- «дополнительных норм».

Так и поступали на некоторых фабриках. В итоге недостача деталей кроя на два миллиона сто пять тысяч рублей была списана на счет себестоимости. Потребовалось выматывать название, чтобы отметить преступно-головотяпский циркуляр № 9.

Или вот другая, не менее известная в кругах обувщиков история о том, как в текущие морозы, в середине учебного года, тов. Костенко выписал фабулаучеников «Парижской Коммуны» в холодный непригодный цех, а помещение школы, которое она занимала чуть ли не 20 лет, отдал под квартиры.

Таков ясновельможный товарищ Костенко. Такова техническая «спонтика» заместителя министра легкой промышленности. Так «бьются» он за обувную пятилетку.

Не пора ли привести в чувство великую?

Слово хозяина

из редакционной почты
Бежецкая вода

В музее города Бежецка, Калининской области, хранится интересный экспонат. Он помещен в отдельной витрине, хорошо освещен, немалое привлекает внимание посетителей, — сообщает писатель Субботин.

Экспонат этот — обыкновенная бутылка с притертой стеклянной пробкой, наполненная прозрачной, бесцветной жидкостью. Многочисленные документы, расположенные в витрине, свидетельствуют, что взята она из источника в г. Бежецке. Судя по химическому анализу, вода эта — прозрачная, бесцветная, без запаха, слабо горьковато-солоноватого вкуса. Реакция нейтральная. Удельный вес 1,072. Содержит она: хлористый калий, хлористый натрий, сернокислый калий, сернокислый магний, сернокислый кальций, подкисленный натрий, кремнезем, окись железа и алюминия.

Из документов видно, что в 1933 году Московский институт курортологии признал исключительные качества воды Бежецкого источника. Она имеет сходство с водой Баденского и Ижевского источников, но крепче последних; применение ее дает благоприятные показатели при лечении почек, печени, поджелудочной железы, желудка.

Институт тогда же признал необходимым построить в Бежецке разливной завод. Была даже пробурена скважина, дававшая 400 литров воды в час. На этом строительстве остановились.

Теперь скважина заброшена, не охраняется, засорена. Институт курортологии о своем решении забыл, Бежецкий городской совет считает заботу о минеральных источниках не своим делом.

«Так, при равнодушии отношении людей к богатствам своего края вода Бежецкого источника, ее анализы, положительные решения о ее использовании превратились в музейный экспонат, нашедший себе место рядом с орудиями каменного века, предками быта и украшений, добытыми при раскопках курганов и могил на территории «Бежецкого верха».

В цех пришел экономист

Инструктор Челябинского горкома ВЛКСМ тов. Спичкин пишет о том, как экономисты и производственники экономят лако-красочного завода, работая в тесном сотрудничестве, сократили на три миллиона рублей годовую государственную дотацию. Зависатель этого большого дела стал начальником планово-экономического отдела тов. Поспелова. Помогают ему экономисты-плановики Корнев и Баталов. Все они почти ежедневно бывают в цехах, изучают причины разного рода производственных недостатков, помогают организовать ритмичную работу, борются за цеховую экономику.

Плановики заметили, что большие расходы вызывает перевозка некоторых материалов грузовым транспортом. Между тем цеховая автомашинка с дотацией полностью не загружена. По предложению плановиков, а также экономистов переключили на доставку сырья. Это позволило одновременно перевезти сырье и сухое сырье. Сократилась потребность в лошадях, уменьшились расходы.

Значительные расходы посоветовали приносить более удобную тару для некоторых видов продукции, что дает 15 тысяч ежемесячной экономии. Они обратили внимание на то, что в производстве шпихов сорта красок используется дорогое сырье, а дешевые заменители не используются. Излишняя тару, что усложняет процесс работы. Найден способ производства шпихов красок на более дешевых маслах, что не снижает их качества, а заводу приносит миллионную экономию.

Деловое сотрудничество экономистов, инженеров и рабочих-сталовиков дало возможность заводу реконструировать толкатель, заставить свое производство жесткой тары, организовать изготовление мушкетеров, которые прежде привозились из Сибири и Ярославля. На этом завод экономит десятки тысяч рублей.

«Нельзя начинать тов. Поспелова, — заключает свое письмо тов. Спичкин, — только быть получаемыми всеми плановиками и экономистами».

Бракоделы

«Недавно наш судостроительный завод имени Андрея Марти», — пишет на Николаеве инженер С. Иваненко, — «получил высококачественную заготовку для судна из древесины, сделанную по нашему заказу московским заводом имени Ворошилова. Министерство сельскохозяйственного машиностроения».

При вскрытии ящиков мы обнаружили, что отсутствуют не только упаковочные ведомости, но и такие важные детали, как штуртупирующий конденсатор на 12.000 вольт, штиры и болтики крепления переключателя измерительного прибора и сопоставление на блокировку.

Из-за небрежности отправителей оказалась сломавшейся шина контура, шущая на фидер, и второй контур, штуртупирующий блокировку.

Очень плохо выполнены монтажные работы. Неполноценно смонтированы генератор и штиры с рубильником и предохранителями, кнопки управления на главном щите заземлены, крепление деталей к панелям — слабое: так, деревянный пилитус безрезультатно отвалился из-за того, что были поставлены короткие шурупы. Ряд деталей выполнен из материалов низкого качества.

Эта электростанция обещала нашему заводу в 100 тыс. руб. Как она будет работать, — еще неизвестно. Но зато уже известно, что завод имени Ворошилова поставил заказчикам бракованные детали. Мы, работники завода имени Марти, — пишет тов. Иваненко, — хотели бы, чтобы рабочие завода имени Ворошилова обдумали этот вопрос на собраниях и вынесли решение бракоделов».

Т. ЛЕОНТЬЕВА ЭКЗАМЕНЫ

Каждый год, в один из веселых дней, в 8 часов утра во всех школах нашей страны директора торжественно доносят стурные печати на конвертах, в которых хранятся темы сочинений для экзамена на аттестат зрелости.

Час спустя миллионы школьников садятся за парты, и учителя входят в классы, скрывая собственное волнение.

Экзамены начинаются. Дни экзаменов отмечены какой-то особой мотой. Дети, наши дети держат сегодня серьезное жизненное испытание.

В этом году среди тем, присланных министерством для сочинений по литературе, есть и такая:

«Воспитание надеждою стала великая наша страна».

Свое сочинение на эту тему одна из десятиклассниц начала так:

«Нам, кому недавно исполнилось 18 лет, не пришлось участвовать ни в гражданской войне, ни в мировом строительстве, ни в войне с фашизмом и в Отечественной войне. Однако наше поколение сильно тем, что воспитано на славных боевых традициях отцов чудесной советской школы».

Чудесная советская школа...

Вот школа № 135 Советского района в дни экзаменов.

Первый этаж — классы малышей. На стенах нарисованы на русских сказках о рыцарях и рыцарях, о золотом петушке. Это настоящие художественные работы, воспитывающие вкус и заставляющие останавливаться. На высоких тумбах между окнами гипсовые копии знаменитых скульптур, декоративные растения, цветы.

Это делает из школы веселый, светлый уютный сад, в котором теперь, за несколько минут до экзамена, встает сыновья приговора. Дежурные педагоги примеряют, все ли на месте в классах: билеты, карандаши, бумага, чернила, карты... Вслед за ними все проверяет сам директор Федор Федорович Рошин.

Мальчики выпускают в школу в 8 часов 50 минут. Заодно до этого они все уже здесь, в перекур, — можно устроить перекур. Они ходят стайками от угла к углу, сидят на скамейках под липами и обступают школьные крыльцо. Они смеются, хлопают друг друга по плечу, говорят о фотографии, о радиолампках, о собитиях в Гренте и Палестине.

Входя в классы и рассаживаясь, мальчики затевают разговор. Но вот преподаватель математики Петр Николаевич Сырадов поднимает указку, как дирижер оркестра, и устанавливается тишина.

Петр Николаевич диктует задачу, а экзаменационная комиссия с Федоровичем Рошиным по главе сидит за столом, покрытым красной бархатной скатертью. У Федора Федоровича непроницаемое и даже строгое лицо. Однако через несколько минут Федор Федорович говорит, волнуясь:

— Только у одного не задается. Как это он?... Совершенно неправильно начал. Боюсь — не решит.

Истинные отношения между преподавателями и учениками никогда не проявляются с такой прозрачной ясностью, как в дни экзамена.

Вот преподаватель истории Аркадий Николаевич Ивашкин. Он принимает экзамены в 9-м классе «А». Про него говорят, что он прекрасный рассказчик, но очень уж суров с ребятами.

Однако строгие требования, железная беспристрастность и даже собственный темперамент не мешают Аркадию Николаевичу почувствовать волнение ученика, поэтому, отпуская его, он говорит:

— Исчезай... Исчезай... Прежде, чем идти домой, погляди на нашего садика и остальное помещение.

Аркадий Николаевичу 70 лет. У него совершенно белые волосы, гладко зачесанные над скулами, темный, восточный склад лица. Он ведет своих мальчиков с 5-го класса. И когда Аркадий Николаевич говорит своему ученику «ты», тогда как все другие педагоги, как правило, говорят «вы», — это так же гармонично, как и все в этой школе.

Трудно сказать, что такое единый стиль школы. Во всяком случае, это какая-то особая слаженность всех ее частей, что не представляет собой некую исключительность, а как бы является воздухом.

И вот этот воздух, этот сложный тон всего коллектива, должно быть, — самое важное в педагогическом мастерстве. Нет этого воздуха, и никакие методические разработки, протоколы, педагогические суждения не спасут положение.

Вот другая школа — № 636, Свердловского района. Директор ее, Андрей Федорович Солохин, старый учитель, много работавший над вопросами теории педагогики. Помещается школа № 636 в таком же очень прекрасном школьном здании, и бюджет у нее такой же.

Грязная коридорная дорожка тянется до первой площадки лестницы и здесь неожиданно обрывается, бесмысленно приводя

вас к окну, которое выходит на мусорную яму. Голые желтые стены, старые плакаты и пустая фанерная рама, может быть, предназначенная для стеногазеты.

Обычный класс. Несколько горшков с цветами — родительский дар. Пол чисто вымыт, но парты обшарпаны и облиты чернилами. Криво висят на стенах исторические карты. Идет экзамен по истории.

В углу класса спрятано притуманное зеркало. Посредине, на той нейтральной территории, которая разделяет учеников и преподавателей, лежит маленький ярко-красный коврик. Ученики, выходя к доске, испуганно обходят его стороной.

— Рассказывать Олега!..

— Рассказывайте.

Ученик, с отчужденным выражением лица, муром рассказывает о классном вале Олега, затем о расписе Киевского государства. Когда его отпускают, он уходит, недовольно стуча сапогами о парту.

Парты учеников, готовящихся к ответу, вынесены далеко вперед, а парты остальных сдвинуты к стене. Пространство, их разделяющее, находится под неусыпным надзором классной руководительницы, которая ходит взад и вперед, как часовая, все время заглядывая в парты и в стрелки часов, чтобы убедиться, — не пролетит ли шаргалка.

В каждой школе есть какая-нибудь своя особенность, своя гордость. В женской школе № 169 Свердловского района — исторический кружок Алексея Николаевича Клеменова. Школа № 89 Краснопресненского района гордится своим школьным садом, где имеются едва ли не все виды растительности — целый ботанический сад. Школа № 636 считает своим главным достижением настоящие совмещенные теоретические конференции классных руководителей.

Нам не пришлось быть на таких конференциях. Учебный год кончился, но завелуший учебной частью Николай Костантинович Васильев любезно предложил ознакомиться с протоколами этих конференций.

Вот протокол доклада одного из классных руководителей на тему: «Воспитание у учащихся нравственных черт советского человека».

«Саушались... Постановили... Мобилизовать все средства нравственного воспитания, начиная с внешней обстановки, внешнего вида учащихся и учителей, включая педагогический процесс всех дисциплин и все виды общественной работы... Обратить всех классных руководителей при составлении плана воспитательной работы на четверть уделить особое внимание вопросам воспитания у учащихся нравственных черт советского человека».

— Нужны ли эти планы?

— Необходимы, — убежденно отвечает зауч.

— Бель наша школа была год назад экспериментальной базой при Институте методов обучения Академии педагогических наук.

Маленький кабинет зауча больше похож на кладовую, чем на кабинет. На полочке — пыльные бумаги. Зауч пристально смотрит на зауч, чтобы солдаты свет не падал на его стол и не мешал ему писать методическую разработку «О воспитании вежливости и хороших манер у учащихся».

— Скажите откровенно, подождала ли вы сердце, какие недостатки видите вы в вашей школе?

Зауч долго думает. Отвечая, этот вопрос застает его врасплох.

— Главный недостаток, — говорит он, — это разрыв в требованиях учителей 4-х и 5-х классов.

И в этой школе есть прекрасные преподаватели, влюбленные в свое дело. Экзамены по географии в 9-м классе поминают, как чудовище и серьезно относятся преподаватели к своему любимому делу.

Многие педагоги возмущаются тем, что объем материала по новой истории и истории СССР слишком велик. Не следует ли экзамен по новой истории проводить в 9-м классе?

Высказываются соображения и о том, стоит ли давать ученикам билеты на руки до экзамена. Не ведет ли это к кривизне механического заучивания.

Вот вопрос о допущении к экзаменам. Ученик, имеющий двойки, вообще не допускается к экзамену. Правильно ли это?

Все эти и другие вопросы обсуждаются педагогами горячо и страстно.

Всю бегущую мысль советского педагога, жалкий пестец через плечо любому козленку все лучшее, чем сам обладает, шерстью рукой откладывает накопленное.

Но как бы ни был хорош педагог, каким бы энтузиастом своего дела он ни был — если нет слаженности всех частей великого школьного организма, то можно бесконечно распыляться в безвестности и казенности по формализму, — все записано. Если в школе отсутствует единая слаженность, общий стиль работы, изжившиеся усилия талантливого педагога теряются, куда-то ведут, как коверная дорожка на лестнице, бесмысленно дотыкая до окна.

А. ТВАРДОВСКИЙ
Спец. корр. «Литературной газеты»

О столице и «провинции»

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 1 СТ.

улице. Я понимал так, что по пути к коммунизму неплохо иметь плакатное магическое место. Проходящее мимо, и свет был не без добрых людей. Правда, эти люди, помогавшие мне устраиваться так, что меня ветром не продувало и чтоб мухи не кусали, даже эти люди не уважали меня, а видя во мне свое подобие. И я, когда на будущий романтизм, не отказываясь бы, конечно, от того, чтобы считать себя человеком высокого долга и чтоб другие меня считали таковым, а не просто штурманом и лодовиком. Чорт же знает, почему это нужно человеку, а вот нужно, как-то даже тоскливо без этого...

Пусть, однако, не думает этот молодой человек, что я хочу его загнать, как грешника мушкетера, подлым чувством неуверенности и раскаяния. Это была бы совершенно неблагодарная задача.

Офицер, который, окончив во время войны военное обучение, приобрел специальность, нужную фронту, стремился бы из-за своей «площадки» или по другим причинам хотеть застрять в управлении, где-нибудь, скажем, в округе, только бы не ехать на фронт, был бы явно плохой офицер, человек, недостойный своего высокого звания, и с ним бы не вникать. Думаясь, что не меньшая мера общественной осуждения и практического воздействия должна быть обращена на инженера, унывающего от выполнения своего прямого долга: работы там, где его работа более всего нужна.

Что он собирается делать, мой спецназ по котлам? Он будет «выскакивать», т. е. будет инстинктивно, упить кого-то «на местах», не имея возможности опираться на личный практический опыт. Я вспоминаю одного из начальников цехов Уралмаша, человека, как на много лет старше этого молодого котловика. Мальчишкой он строил завод, потом стал работать на нем, начиная с самого скромного ученичества, и здесь же, без отрыва от производства, за годы упорной работы и работы приобрел специальность, стал инженером, крупным командиром на производстве. Естественно, что человек такого опыта, таких проверенных на практике знаний по праву мог «выскакивать» для инструкторов и помощи на местах. Но почему эта роль должна принадлежать выпускнику, не работавшему на производстве, не отвечавшему за определенный участок, сло-

вом, зеленому мамонту в своей специальности, — непонятно и неестественно.

Впрочем, не пора ли читателю прервать меня: что, действительно, дался тебе этот молодой человек? Да такое ли это значительное явление нашей жизни?

Мне кажется, что даже если бы то, что оставляет предмет моей статьи, было бы исключительно единичным явлением нашей жизни, и тогда бы стоило обратиться на него внимание, не давая ему укрыться за общей достойной характеристикой наших вузовцев и молодых специалистов. Но, по-видимому, это явление не столь уж исключительное.

Около года назад в Тимирязевской академии происходила конференция читателей «Литературной газеты». В ходе большой открытой беседы выяснилось, что есть и так молодые люди, научившиеся сельскохозяйственным наукам с намерением применять их в Москве, на какой-нибудь завалящей кампальерской должности. Я вспоминаю об этом, когда встретился в Красноуфимском районе с зоотехником, воспитанником Тимирязевской академии. Верой Тихоновой Некузьминой, имя которой я уже называл в первой моей корреспонденции с Урала.

Мы разговаривали с Верой Тихоновой, и я узнал, что работает она в этом районе уже свыше десяти лет, очень любит свою работу и совсем привыкла к этим местам, но сама москвичка, горожанка и, более того, — работала когда-то в одном московском издательстве помощником редактора. Работала, а потом решила, что работа эта не сулит ей серьезных перспектив, пошла учиться, а после учения, не заучившись, а вернее сказать, все обдумав и решив бесспорно, поехала в провинцию. И вот может показаться, что, выполняя свою большую роль в практической жизни большого и сложного хозяйства, она отделилась от науки, от книг и журналов, перестала, как говорится, работать над собой? Нет, именно этот практический опыт позволил ей собрать большой материал для научной работы по специальности. Не жалуюсь на занятость, не сетую на обстоятельства деревенской жизни, а как бы призывала себя виноватой, она говорила:

— Все почти готово, весь материал, наблюдения, записи, данные, а вот сестра, написать все от заголовка до конца — трудно. Нужно заглянуть в книги, которые можно достать только в большой библиотеке, нужно бы поговорить, поспекулировать, да все не вырвется в Москву

или хотя бы в Свердловск на недельку-другую.

Невольно подумал, что у таких людей есть куда более несомненное право и в Москве побывать, чем просто право ответственного «смика» квартиры в Москве, подобного нашему котловнику.

В Тагиле ко мне пришла четыре девушки-десятиклассницы. Это было серьезное и трогательное, отчасти, желание «выскакивать» некоторые вопросы литературной жизни. Разговорились, а в спросила девушек расчет их планов дальнейшей жизни по окончании школы. Оказалось, что все они хотят стать учителями. Я спросил, не являются ли это фильмом «Сельская учительница»?

— Нет, — ответила одна из них, взглянув на подруг, молча поддерживавших ее, — нет, во эта картина укрепила нас в нашем намерении.

В Москве из них никто не был; одна только приезжала Москву с родителями, когда была маленькая, такая маленькая, что ничего не помнит. И о Москве она говорила с мечтательной нежностью, восторженностью и скромным до мимолета припадком.

— Через тем, как совсем уехать на работу, побывать бы в Москве, увидеть ее, побывать в театрах, музеях, проехать в метро, все посмотреть, чтоб уж было о чем рассказать, когда случится.

Слушая их, я опять подумал о моем молодом человеке с комматой в Москве, о его замечаниях насчет «Сельской учительницы», о том, что никакими фильмами его не прошибешь и что у него на все и про все готова его противная, тожно-пропичская улыбочка.

Краткое добавление. Статья уже была дана мною в редакцию, когда я встретился на улице с моим земляком.

— Представь, он уже работает, — сообщил он мне о молодом человеке.

— Где же?

— Да здесь, в Москве, в каком-то ведомстве. Уже в командировку выехал куда-то под Москву, очень, говорит, интересная работа. Приехал на два дня и опять уехал.

Однако, гоняю его часто.

— О! — сказал мой земляк. — Это надо уметь. Он, брат, мне разъяснил, в чем дело. Его послали туда надолго, но случные оплачиваются только два месяца. Так он не дурак, он приехал в Москву, наплевать на работу — благо это близко, а теперь как бы сейчас едет туда, в сущности опять у него все потеряно... Любо все-таки, надо признать. И молодой, а ловок.

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ

Несмотря на гневное возмущение народов всего мира, сегодняшние правители Америки все еще продолжают попытки выдавать свою политику разжигания войны и брагания оружием за «политику мира» и настаивают на этом при всяком удобном и неудобном случае.

Мы не станем разбирать в том, чего в подобном роде утверждения больше: провокационных маневров или лжи и нагнетательства над фактами. В самом деле: один из наиболее ярких поджигателей войны, тоже призывавший к «политике мира» и настаивавший на этом при всяком удобном и неудобном случае.

Все мы читали представление Советского правительства правительству США, в котором указывалось на то, что появившаяся в журнале «Ньюс Уик» статья командующего американской стратегической авиацией генерала Кенни находится в явном противоречии с резолюцией о запрещении пропаганды новой войны.

Нельзя считать случайным, конечно, что это — не первое, кстати говоря, — выступление военного деятеля, занимающего официальный пост в американской армии, содержащее откровенные призывы к новой войне, появилось именно в журнале «Ньюс Уик». Ибо журнал этот является рупором одного из столпов Уолл-стрит — «дома Морганов»; а рупором этого журнала был близок до его дней, как Авраам Гарриман, ныне «особоуполномоченный Трумэна по колонизации Западной Европы». Нетрудно понять, из каких источников черпают свое злободневное вдохновение генерал Кенни и другие.

Кстати, поговорим и о других. Принятие резолюции ООН, как мы видим, нисколько не затормозило подпольной деятельности провокаторов новой войны. Для своих выступлений они выбирают не какие-либо закулисы политической арены в США. Отнюдь нет! Они выступают в различных комиссиях сената и палаты, в воинствующих конгрессменах не только не прерывают их выступлений, но, наоборот, слушают их с вниманием и почтением. Воинствующим образом милитаристического бесстыдства является, скажем, выступление генерал-майора военно-воздушных сил Шенно в сенатской комиссии по иностранным делам. Этот матерый поджигатель войны в генеральском мундире приволок для большей убедительности с собой в сенат свистачишься глобус, на котором наглядно — пальчиком водит! — демонстрировал переход присутствующим... кратчайшие маршруты достижения жизненно важных центров СССР бомбардировочной авиацией США.

Не после этого ли выступления генерал-майора сенатская комиссия отпустила средства на увеличение военно-воздушных сил до 70 полков, хотя правительство требовало ассигновать только на 66 полков! Американский империализм потонул в своих мучалках в Грецию, Иран, Турцию, Италию, Бразилию, Корею, Японию, на Азорские острова, на Мальту, в Ливию, в Триполи. Неудивительно, что штатный и сполна оплачиваемый бард американского империализма Уолтер Хиппман, вылезав на все решения ООН, без всяких стеснений пишет:

«Американские военные мероприятия должны заключаться в развитии сил для нанесения удара по центрам Советского Союза».

Вот о чем думают заправилы сегодняшней Америки.

Вот каково истинное лицо некоронаванных королей США, лицо воинствующего империализма, готового пролить океаны человеческой крови, лишь бы покрепче набить свои карманы золотом. У них все усиливается поиск обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и беспомощны. Вероятность является их добродетелью. А отказ от приятия на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

Напрасно только американские поджигатели войны и их европейские подкаблучники думают, что суть их политики зашифрована, что они действуют в интересах человечества. У них все усиливается поиск обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и беспомощны. Вероятность является их добродетелью. А отказ от приятия на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

Напрасно только американские поджигатели войны и их европейские подкаблучники думают, что суть их политики зашифрована, что они действуют в интересах человечества. У них все усиливается поиск обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и беспомощны. Вероятность является их добродетелью. А отказ от приятия на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

Напрасно только американские поджигатели войны и их европейские подкаблучники думают, что суть их политики зашифрована, что они действуют в интересах человечества. У них все усиливается поиск обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и беспомощны. Вероятность является их добродетелью. А отказ от приятия на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

Напрасно только американские поджигатели войны и их европейские подкаблучники думают, что суть их политики зашифрована, что они действуют в интересах человечества. У них все усиливается поиск обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и беспомощны. Вероятность является их добродетелью. А отказ от приятия на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

Напрасно только американские поджигатели войны и их европейские подкаблучники думают, что суть их политики зашифрована, что они действуют в интересах человечества. У них все усиливается поиск обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и беспомощны. Вероятность является их добродетелью. А отказ от приятия на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

Напрасно только американские поджигатели войны и их европейские подкаблучники думают, что суть их политики зашифрована, что они действуют в интересах человечества. У них все усиливается поиск обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и беспомощны. Вероятность является их добродетелью. А отказ от приятия на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

Напрасно только американские поджигатели войны и их европейские подкаблучники думают, что суть их политики зашифрована, что они действуют в интересах человечества. У них все усиливается поиск обогащения. Им всего мало. Они мечтают заграбастать весь земной шар и выжать его, как лимон. Охваченные этой страстью, они слепы и беспомощны. Вероятность является их добродетелью. А отказ от приятия на себя обязательств — высшей доблестью и правилом поведения.

В последние месяцы американские генералы и адмиралы побили все рекорды ораторской выносливости и многословия. Люди в мундирах цвета хаки говорят много, громко и откровенно. Недержавные речи переходят иногда в наглость, а иногда — в истерию.

О чем говорят генералы? О чем мечтают? Военный министр Ройал рзгует за небывалый для мирного времени военный бюджет в 10 миллиардов долларов и за право мушкетировать американскую молодежь. Морской министр Салливан с пеной у рта агитирует за новые линкоры и авианосцы. Министр авиации Сайнмон требует беспрепятственной «свободы воздуха» и воздушных баз, с которых можно было бы бомбить любую точку земного шара... А министр обороны Форрестал уже рисует у американских берегов злые силы, которые будут готовы атаковать и низвергнуть в бездну многогротадальные Соединенные Штаты...

Генералам в мундирах вторят генералы в дипломатических фраках. Эти говорят вытекающим языком, позволяя как бы «теоретическую базу» под откровенные экспансионистские устремления агрессивной части вооруженных.

Изменив своей привычке выступать в колледжах, генерал — государственный секретарь Маршалл 28 мая произнес речь перед более чувствительной аудиторией — федерацией женских клубов. Генерал говорил отнюдь не о воспитании детей, не о кулаке, а о так называемой «стервой» политике по отношению к Советскому Союзу.

Двумя днями раньше в университете штата Аризона выступал советник государственного секретаря Чарльз Болен. Упомянутый Болен, играющий когда-то лишь скромную роль переводчика, теперь раскрывался и тоже кричал о «самобороне» Америки, которой будто бы угрожает «несговорчивый» Советский Союз.

Таким образом, генералы и дипломаты поют в унисон. Они вместе разжигают военный поиск, подготавливают милитаризацию Соединенных Штатов Америки.

Генри Уоллес недавно заявил: «Генералы говорят, что нам необходимы гигантские запасы металлов для третьей мировой войны. Без военной истерии конгресс не отпустил бы ассигновать сотни миллионов долларов металлургическим трестам». Уоллес добавил, что металлургические монополии «содействуют ведению» холодной войны, так как она является основным оружием в борьбе за расширение их империи до таких размеров, чтобы она охватила весь мир.

То, что военные круги США так тесно связаны теперь с американской дипломатией, не является случайностью. Генералы штурмом взяли госдепартамент по приказу из Уолл-стрит, который избрал генералитет в качестве орудия для осуществления своих экспансионистских планов.

20 января 1947 года юрст Бирнс подпсал в качестве государственного секретаря мирные договоры с Италией, Болгарией, Румынией, Венгрией. В этот же день его сменил на посту главы американских дипломатов генерал Маршалл.

Через год в Америке вышла книга «Милитаризация Америки», в которой приводятся поразительные факты и цифры. В этой книге, названной Национальным советом борьбы против военной повинности, говорится о возрастающем влиянии военных на внешнюю политику США.

Этому влиянию подвергается прежде всего президент. Известно, что личным и интимным советником Трумэна по внешнеполитическим вопросам является адмирал Лиги. «Бывший носок при правительстве Вилли», — пишет журнал «Колдьерс», — сопровождал президента почти во всех его официальных поездках и неизменно присутствует на всех узких совещаниях, в особенности на тех, которые происходят на президентской яхте.

Переодевшись в дипломатический фрак, генерал Джордж Маршалл повел с собой в государственный департамент толпу генералов и офицеров, которые быстро вытеснили штатских со всех ключевых дипломатических постов.

Заместителем государственного секретаря был назначен бывший помощник военного министра, Роберт Ловетт, которого образно называют начальником штаба госдепартамента.

В числе разнородных факторов, заставляющих советских людей с настороженностью относиться к нынешней внешней политике Соединенных Штатов, немалое значение имеют те мероприятия правящих кругов США, которые ведут к возрождению фашизма и всячески поощряют физических носителей нацистского зла.

Советские люди не забыли, разумеется, то, с каким возмущением и с какой решимостью относился Рузвельт к фашистам всех мастей и оттенков и как он настаивал на необходимости навсегда изгнать мир от фашистской угрозы. Такого рода взгляды встречали у нас, советских людей, полное сочувствие и поддержку. Больше того: они содействовали укреплению дружественных отношений между советскими и американскими народами.

В августе 1945 года на происходившем в Лондоне совещании делегаций СССР, США, Англии и Франции представители США Джексон активно участвовали в разработке и принятии Устава Международного военного трибунала, учрежденного для суда над фашистскими преступниками.

Позднее в Нюрнберге тот же Джексон в качестве главного обвинителя от США требовал, как известно, для всех без исключения подсудимых заслуженной ими суровой кары.

Однако в дальнейшем, по мере усиления влияния американских экспансионистских кругов, руководящие американские круги не только полностью отказались от борьбы против фашизма, но и практически принялись содействовать его возрождению.

Генералы от дипломатии

Г. ПЕТРОВ

департамент. За ним идут помощники государственного секретаря Джон Перфуз, окончивший военную академию в Уэст Поинте, бригадный генерал Чарльз Солтман, занимающийся политикой в оккупированных странах. Отдел планирования внешней политики возглавляет небезвестный разведчик и «специалист по русским делам» Джордж Кеннан, также пишущий за спиной курс военной академии. Бывшие сотрудники группы стратегий и политики при военном министерстве Лэн Риск и Чарльз Болестит заняты теперь «реконструкцией» Европы, а военно-морской офицер Макги является координатором по осуществлению программы «помощи» Греции.

Кенпа «Милитаризация Америки» утверждает, что почти все отдели и подотделы госдепартамента, вплоть до бухгалтерии, возглавляются военными полковниками и подполковниками, сменяющими военные мундиры на фраки и смокинг.

В госдепартаменте и его многочисленных отделах орут сора военные разведчики. Более 800 человек переведено в систему министерства иностранных дел из ликвидированного в 1945 году управления так называемой стратегической службы — одной из основных разведывательных организаций США. Впрочем, разведкой занимаются не только эти профессионалы. В Национальном разведывательном бюро ходит сам государственный секретарь генерал Маршалл, а Центральная разведывательная группа этого бюро полностью использует работников информации госдепартамента.

Картина засилья военщины в американской дипломатии была бы не полной, если бы мы не упомянули о том, что среди послов США также имеются генералы и адмиралы. Один из них, генерал-лейтенант Смит, — посол в Советском Союзе.

Нельзя не напомнить о таких чувствительных районах дипломатических разведок, как Германия, Япония, Корея, где американские генералы Клей, Маккартур и Холл держат в своих руках не только военное руководство американскими оккупационными войсками, но и контролируют американскую дипломатию.

Все эти факты говорят о том, что за подотра гола, прошедшие с для владения Маршалла, военные круги США полностью прибрали к рукам дипломатический аппарат. Напомним, кстати, что Маршалл размещался со своей свитой в зданиях военного министерства. Теперь уже полностью трудно разобраться, где находится государственный департамент и где кончается генеральный штаб.

О сращивании военщины с дипломатией метко сказал известный американский журналист Ноуганес Стил:

«Сосуществование военного министерства и государственного департамента в настоящее время полное. Госдепартамент теперь просто дополнение к военному министерству и служит в качестве гражданского камуфляжа. Этот процесс начался немедленно после смерти Рузвельта...»

За последние несколько лет в США сменялись три штатских государственных секретаря. Не касаясь личных качеств этих людей, справедливость требует отметить, что полные американских дипломатов были поставлены под такие документы, как Устав Объединенных наций, соглашение и декларация, выработанные в Москве и в Тегеране в 1943 году, а также в Ялте и Потсдаме. Это были акты международного сотрудничества, основанные на взаимном уважении прав больших и малых народов.

По какому международным соглашениям достиг, пребывая на посту государственного секретаря, генерал-дипломат Маршалл? Никаких. Больше того — американская дипломатия беззастенчиво нарушает теперь те соглашения, которые были заключены между великими державами в прошлом.

Первая же сессия Совета Министров иностранных дел в Москве в 1947 году, проходившая при участии Маршалла, окончилась безрезультатно, поскольку американская делегация не хотела пойти на соглашение с СССР ни по одному из важнейших вопросов.

Маршалл внес раскол в работу Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1947 года, создав реакционный блок из зарисанных от США стран-автоматов, выступая против прогрессивных и миролюбивых предложений СССР, проводя политику диктата. И если Генеральная Ассамблея приняла ряд положительных решений о борьбе с пропагандой и поджигателями новой войны, то это является заслугой советской делегации. Проголосовав либером за эти решения, Маршалл нарушает их, поощряя ту разнузданную пропаганду новой войны, которая ведется сейчас в реакционной американской прессе.

Разумеется, такие методы дипломатии Маршалла, как чтение заранее заготовленных шпаргалок и требование беспрекословного принятия любых американских предложений, не могли привести и не привели к соглашениям на международных совещаниях этих полутора лет.

Баккой бы международной проблемы ни касалась рука Маршалла, — будь то подготовка мирного договора с Германией, корейский вопрос, австрийский договор или проблема запрещения атомного оружия, — везде попытка диктата, навязывание своей воли другим и как результат — отсутствие соглашений. Американская дипломатия превратилась в дипломатию долава и вымогательства, она стала агрессивной.

Американский журнал «Юнайтед стейтс» напечатал статью под характерным заголовком: «США в роли всемирного полицейского». В этой статье прямо говорится: «Обстоятельства вынуждают Соединенные Штаты взять на себя главную часть работы по установлению полицейского надзора над миром... Новая роль полицейского требует активной деятельности такого характера, которой США в прошлом обычно не занимались».

В той же статье, отмечая, разумеется, без сожаления, что «Англия вынуждена отбавиться от ряда своих полицейских обязанностей», автор заявляет, что теперь у США «появилась тенденция продвигаться за свои рубежи» и что Америка имеет возможность «обеспечить без сомнения, какой-либо другой державы полицейский надзор над миром...»

Конечно, всемирному полицейскому не до международного сотрудничества! Ему нужны резные лубочки, а соглашения и декларация — в сторону...

Отсюда проистекает и гонка вооружений в США, несмотря на решение Генеральной Ассамблеи о регулировании и сокращении вооружений; отсюда отказ от запрещения атомного оружия, как оружия агрессии; отсюда появление плана экономического забавления Европы, которому присвоено имя Маршалла; отсюда грубое вмешательство в дела других государств.

Чтобы избежать ответственности за те страши международное сотрудничество, которые плещи место именно по их вине, американские генерал-дипломаты вопют о «несговорчивости» и «несуспешности» Советского Союза. Однако демократической общественности всего мира ясно, куда гнет американская милитаризованная дипломатия и чего она добивается.

Засилье военных в американской дипломатии была бы не полной, если бы мы не упомянули о том, что среди послов США также имеются генералы и адмиралы. Один из них, генерал-лейтенант Смит, — посол в Советском Союзе.

Нельзя не напомнить о таких чувствительных районах дипломатических разведок, как Германия, Япония, Корея, где американские генералы Клей, Маккартур и Холл держат в своих руках не только военное руководство американскими оккупационными войсками, но и контролируют американскую дипломатию.

Все эти факты говорят о том, что за подотра гола, прошедшие с для владения Маршалла, военные круги США полностью прибрали к рукам дипломатический аппарат. Напомним, кстати, что Маршалл размещался со своей свитой в зданиях военного министерства. Теперь уже полностью трудно разобраться, где находится государственный департамент и где кончается генеральный штаб.

О сращивании военщины с дипломатией метко сказал известный американский журналист Ноуганес Стил:

«Сосуществование военного министерства и государственного департамента в настоящее время полное. Госдепартамент теперь просто дополнение к военному министерству и служит в качестве гражданского камуфляжа. Этот процесс начался немедленно после смерти Рузвельта...»

За последние несколько лет в США сменялись три штатских государственных секретаря. Не касаясь личных качеств этих людей, справедливость требует отметить, что полные американских дипломатов были поставлены под такие документы, как Устав Объединенных наций, соглашение и декларация, выработанные в Москве и в Тегеране в 1943 году, а также в Ялте и Потсдаме. Это были акты международного сотрудничества, основанные на взаимном уважении прав больших и малых народов.

По какому международным соглашениям достиг, пребывая на посту государственного секретаря, генерал-дипломат Маршалл? Никаких. Больше того — американская дипломатия беззастенчиво нарушает теперь те соглашения, которые были заключены между великими державами в прошлом.

Первая же сессия Совета Министров иностранных дел в Москве в 1947 году, проходившая при участии Маршалла, окончилась безрезультатно, поскольку американская делегация не хотела пойти на соглашение с СССР ни по одному из важнейших вопросов.

Маршалл внес раскол в работу Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1947 года, создав реакционный блок из зарисанных от США стран-автоматов, выступая против прогрессивных и миролюбивых предложений СССР, проводя политику диктата. И если Генеральная Ассамблея приняла ряд положительных решений о борьбе с пропагандой и поджигателями новой войны, то это является заслугой советской делегации. Проголосовав либером за эти решения, Маршалл нарушает их, поощряя ту разнузданную пропаганду новой войны, которая ведется сейчас в реакционной американской прессе.

Разумеется, такие методы дипломатии Маршалла, как чтение заранее заготовленных шпаргалок и требование беспрекословного принятия любых американских предложений, не могли привести и не привели к соглашениям на международных совещаниях этих полутора лет.

Баккой бы международной проблемы ни касалась рука Маршалла, — будь то подготовка мирного договора с Германией, корейский вопрос, австрийский договор или проблема запрещения атомного оружия, — везде попытка диктата, навязывание своей воли другим и как результат — отсутствие соглашений. Американская дипломатия превратилась в дипломатию долава и вымогательства, она стала агрессивной.

Американский журнал «Юнайтед стейтс» напечатал статью под характерным заголовком: «США в роли всемирного полицейского». В этой статье прямо говорится: «Обстоятельства вынуждают Соединенные Штаты взять на себя главную часть работы по установлению полицейского надзора над миром... Новая роль полицейского требует активной деятельности такого характера, которой США в прошлом обычно не занимались».

В той же статье, отмечая, разумеется, без сожаления, что «Англия вынуждена отбавиться от ряда своих полицейских обязанностей», автор заявляет, что теперь у США «появилась тенденция продвигаться за свои рубежи» и что Америка имеет возможность «обеспечить без сомнения, какой-либо другой державы полицейский надзор над миром...»

Конечно, всемирному полицейскому не до международного сотрудничества! Ему нужны резные лубочки, а соглашения и декларация — в сторону...

Отсюда проистекает и гонка вооружений в США, несмотря на решение Генеральной Ассамблеи о регулировании и сокращении вооружений; отсюда отказ от запрещения атомного оружия, как оружия агрессии; отсюда появление плана экономического забавления Европы, которому присвоено имя Маршалла; отсюда грубое вмешательство в дела других государств.

Чтобы избежать ответственности за те страши международное сотрудничество, которые плещи место именно по их вине, американские генерал-дипломаты вопют о «несговорчивости» и «несуспешности» Советского Союза. Однако демократической общественности всего мира ясно, куда гнет американская милитаризованная дипломатия и чего она добивается.

Засилье военных в американской дипломатии была бы не полной, если бы мы не упомянули о том, что среди послов США также имеются генералы и адмиралы. Один из них, генерал-лейтенант Смит, — посол в Советском Союзе.

Нельзя не напомнить о таких чувствительных районах дипломатических разведок, как Германия, Япония, Корея, где американские генералы Клей, Маккартур и Холл держат в своих руках не только военное руководство американскими оккупационными войсками, но и контролируют американскую дипломатию.

Все эти факты говорят о том, что за подотра гола, прошедшие с для владения Маршалла, военные круги США полностью прибрали к рукам дипломатический аппарат. Напомним, кстати, что Маршалл размещался со своей свитой в зданиях военного министерства. Теперь уже полностью трудно разобраться, где находится государственный департамент и где кончается генеральный штаб.

На одном аукционе

На 16 июня в Нью-Йорке назначен аукцион для распродажи венгерских ценностей, оставшихся в свое время немецкими фашистами. По цене эти ценности были, в свою очередь, захвачены у немцев американскими войсками. (Из газет).

Кольцо разглядывая, некто спросил с сомнением в лице: — Скажите, мистер, без дефекта? Вот этот камень на кольце? — Вот этот камень в перстне? То-есте, Могут сказать вам не спроста: О, если б наша с вами совесть была бы, мистер, так чиста! Едва дышит от ожирения.

Вся в седне канадских лис, Уставясь взором в озерце, Сквозь туман спрашивает мисс: — Цена? — Сто тысяч без нажим... Дешевле всякого ося! — А этот жемчуг... не фальшивый? И мисс глядит на продавца.

Мисс... — продавец с обидой шепчет: — Не доверяйте — ваша власть! Но кто же стал фальшивый жемчуг Из сейфа банковского красть? — Ах, он украден? Так издревле, Ведь есть неписанный закон, Что краденый товар дешево. Вам, мистер, этот факт знаком? — Но, мисс, он дешевле по цене... И он, как это ни печально, Украден, так сказать, вполне, Я бы сказал — официально. Вас, правда, может жать сюрприз. Не поспешите вам просто — Не надевайте это, мисс, Идя в венгерское посольство!

Владимир СОЛОВЬЕВ

В Союзе советских писателей СССР «ДВОЕ В СТЕПИ»

Военная комиссия Союза советских писателей совместно с секцией прозы провела обсуждение повести Эм. Казакевича «Двое в степи», напечатанной в пятом номере журнала «Знамя».

Повесть дает материал для большого и плодотворного разговора. Но, к сожалению, такой разговор не состоялся. В своем вступительном слове А. Чаковский поднял ряд интересных, значительных вопросов, но они не получили развития в ходе дискуссии. Герой повести, лейтенант Огарков, — говорил А. Чаковский, — показан в процессе исполнения преступлений, в условиях резко индивидуальных. И всегда, при самых тяжелых условиях, Огарков остается самим собой, остается советским человеком. Но все же главная проблема повести, в основу которой положен сюжетный анекдот, не связан ли здесь развитие характеров? Не слишком ли плоское дно у этой повести по сравнению с «Звездой», которая раздвала читателя именно своей ограниченностью, глубиной?

Полезные замечания о фактических неточностях и ошибках в тексте повести сделали генерал-майор Дунаев, полковник Розенберг, полковник Фалейкин, полковник Барбашинский, капитан Гончаров. Выступили А. Дерманов, А. Левина и Л. Субоцкий были апологичны и весьма неконкретны. Они высказали общие пожелания к качеству повести, положения, которые можно переработать любым талантливым произведением.

Так, А. Дерманов отметил, что повесть «Двое в степи» захватывает безраздельно читателя, что она написана в результате очень большой работы мысли, что суровые, властные образы на всю жизнь врежутся в память, что повесть написана в лучших гуманистических традициях нашей литературы.

Трудно согласиться или не согласиться с такого рода общими положениями. Более конкретно, по спорным моментам выступил Д. Данина. На заключение В. Ардаматского, что в повести Эм. Казакевича поступки героя определяются не его внутренним миром, а ситуацией, Д. Данин возразил, что исключительность ситуации здесь лишь помогает вычленим характер героя. По мнению Д. Данина, идея повести — идея внутренней свободы советского человека.

Очень тепло приветствовал Д. Бергelson новую повесть Эм. Казакевича. Однако он полагает, что писатель пошел по линии наименьшего сопротивления, что он предельно готовый, замкнутый сюжет, а ведь сюжет должен формироваться идеей писателя, должен быть частью его души.

В конце заседания выступил Эм. Казакевич, который рассказал о трудностях работы над новым материалом и поблагодарил выступавших за сделанные ему критические замечания.

Юбилей театрального критика и драматурга

В нынешнем году исполнилось 30 лет литературно-театральной деятельности Осифа Семеновича Литовского — театрального критика, драматурга, журналиста, общественного деятеля.

8 июня в Центральном доме литераторов на вечер чествования юбиляра собрались друзья О. С. Литовского — московские писатели, работники театра.

Открыл вечер и приветствовал О. С. Литовского от имени президиума Союза советских писателей Л. Леонидов. Сообщение о литературно-театральной деятельности юбиляра сделал И. Крути. С приветствиями выступили: В. Пименов (начальник Театрального управления Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР), П. Антокольский, А. Крон, З. Давыдов (ВТО), С. Бирман, Л. Славин, И. Альшан, группа актеров Московского театра драмы и комедии и другие. О. Леонидов зачитал приветствия, поступившие от московских писателей, газеты «Советское искусство» и других организаций.

Конференция о комедии

14 июня в Центральном доме литераторов открывается театральная конференция московских драматургов и деятелей советской комедии. Вступительное слово сделает председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. Лебедев. На конференции намечены доклады Н. Ананова, Н. Петрова, А. Софронова. Конференция продлится два дня.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, Б. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.